

Елена Михайловна Гайворонская

Роман с небоскребом

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=589895
Роман с небоскребом: Центрполиграф; М.: 2009
ISBN 978-5-9524-4709-7*

Аннотация

Мечта ведет, спасает и возвышает человека. Так хрупкая Саня постепенно строила дом своей мечты. Сквозь пороги и водовороты 90-х годов – в соответствии с теми правилами, которые привили ей родители. Выбрала достойного мужчину, родила ему ребенка и выживала, пытаясь беречь своих близких... Внезапно она почувствовала себя никем, просто женой и мамой, придатком к мужу и сыну. Вчерашняя студентка, несостоявшийся педагог, несложившийся литератор. Умная, независимая Александра постепенно исчезала, превращаясь в бледную тень на серой стене... Но голубая мечта о парящем над облаками доме вновь наполнила ветром паруса надежды, и жизнь молодой женщины изменилась...

Содержание

Небоскреб	4
Вадик и Крис	7
Обмен «полтинников» и сторублевок	12
Беременность	15
ГКЧП	18
Отпуск цен	23
Инфляция	25
Завтрашний день выдался пасмурным и угрюмым	27
И настали смутные времена...	29
Вы когда-нибудь просыпались за чертой?	30
Прощание	34
Сын	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена Гайворонская

Роман с небоскребом

Моему поколению. Всем, кто в девяностых сумел не только выжить, но и сохранить себя.

Несмотря на возможное сходство отдельных событий и персонажей, данный роман не является автобиографическим.

Небоскреб

Выглянуло солнце. Такое нестерпимо яркое, почти весеннее, что пришлось напялить водительские очки с антибликовым покрытием. Еще утром валил снег, а сейчас все вокруг преобразилось, засияло, засветилось празднично, точно на заказ. У меня сегодня день рождения. Конечно, в тридцать три это не бог весть какой праздник, это в семнадцать его ждешь с нетерпением, глупым замиранием сердечка и полудетским ожиданием чуда – эдакое солнечное утро жизни. Все впереди, будущее светло и прекрасно, как в школьной классике. Каким оно еще может видаться в семнадцать?

А в тридцать три все иначе. Грубее, реалистичнее, проще и сложнее одновременно. Если и ожидаешь чуда – в рамках оплаченного по прейскуранту.

Круговой перекресток¹. Как шутил мой автоинструктор, на него все могут въехать, но никто не может выехать. Это к тому, что какое-то дурацкое правило езды существует на этих кругах. Честно говоря, не помню. Въезжаю, как все нормальные люди, когда образуется дыра. И так же выезжаю. Какой-то хлам мне сигналил. Кажется, я его подрезала. Винавата. Но ничего, перетерпит. Я ужасно тороплюсь. Если бы я ездила на ржавой развалюхе, тоже всех пропускала бы, как пропускаю сейчас на своей новенькой среднечеловеческой тачке огромные джипы и разные прочие крутости, с которыми связываться себе дороже. У меня полная страховка, но зачем нарываться? Всем известно, что в России ездят не по правилам, а по понятиям.

Стоп, приехала. Чалюсь у строительного забора. Выхожу. Солнце бьет в глаза. Помимо воли екает в груди, сердце начинает колотиться часто-часто. Там, за синим забором, украшенным телефонами риелторских фирм, – Он. Поднимаю ладонь козырьком и смотрю через распахнутые ворота на серый монолитный каркас, ошетилившийся, как дикобраз, железными иглами-сваями. Все внутри меня переполняется ликованием. Я готова прыгать и хлопать в ладоши, будто мне исполняется лет на двадцать меньше. Трудно разглядеть красоту в недострое, голом, сером, еще не защищенном декоративной облицовкой, как нелегко в красном кричащем новорожденном кулке распознать будущую секс-топ-модель. Но для меня он уже прекрасен, объект моей мечты! Сквозь строительную пыль, как сквозь розовый туман, я вижу его – дом бизнес-класса. В двадцать семь этажей, с подземным гаражом, охраной, фитнесом, внутренним двориком с цветочными клумбами и фонтаном.

Из ворот выезжает бетономешалка. Захожу на территорию по чавкающей жиже из песка, снега и каких-то строительных растворов. Навстречу вылезает большая дворняга, грязная, рыжая, с оторванным ухом, зевает и начинает глухо, лениво лаять. «Мне вообще-то напрягаться неохота, работа такая, чего приперлась?» – написано на заспанной морде.

¹ История взросления Сани Соколовой рассказана в романе «Круговой перекресток».

«Ладно тебе, – отвечаю, – успокойся, все свои». А с другого конца навстречу спешит мужик в каске и телогрейке, машет руками, кричит с непередаваемым акцентом:

– ДевАчка, сюды нельзя!

Смешно: нашел девочку. Наверное, в норковой шубке-автоледи вид у меня не строительный.

– Все в порядке, – говорю, улыбаясь, – мне можно. Я купила квартиру в этом доме. На девятнадцатом этаже. Хочу подняться и посмотреть.

– Ну, если купили, – мнется прораб.

– Пожалуйста! – молитвенно складываю ладони. – У меня сегодня день рождения! –

И сую полтинник.

– Но лифта пока нет, – предупреждает строитель. Будто я сама не догадаюсь. – Придется подниматься пешком.

– Не проблема, – весело отзываюсь. – Я люблю ходить пешком.

Лезу наверх. Прораб ретируется где-то на пятом. Бурчит, что на стройке вообще-то опасно, что не положено, но ради дня рождения такой красивой девушки...

– Стройте на совесть, – говорю. – Чтобы не упал.

– Обижаете, – и вправду обижается прораб. – У нас еще ни один дом не упал. И даже не покосился. Мы – солидная компания, а не какие-нибудь...

Говорю, что верю всей душой. И остаюсь наедине с мечтой.

Мечты у всех разные. Сейчас стало модным искать мужчину мечты, но по мне обзавестись недвижимостью своей мечты гораздо сложнее. Если, конечно, не качать нефть и не иметь папочку или любовника-олигарха. Выхожу на балкон, как на палубу гигантского лайнера. Щурясь, смотрю вдаль, поверх макушек деревьев, голых и беззащитных в это время года. Поверх копошащегося внизу людского муравейника и игрушечных автомобильчиков. Поверх ржавых, в заплатах, крыш стареньких пятиэтажек. Вдаль и ввысь. В бесконечность, где сонные серые воды зимней Москвы-реки в обрамлении вечнозеленых зубчатых елей соединяются с ярко-синим небом в ватных клочьях облаков, и над всем этим безмолвием царит светило, холодное, надменное, как сама столица. Говорят, здесь можно наблюдать закаты невероятной для мегаполиса красоты.

Мне всегда хотелось жить как можно выше и дальше от пьяной брани дворника, выхлопов соседских автомобилей, грязных растоптанных ботинок, дымящихся окурков и ободранных беспризорных котов, вечно норовящих забраться на кухню в раскрытую форточку и стырить кусок мяса, заготовленный для жаркого. Я мечтала видеть не головы и ноги, а звезды и облака... Каждый последующий этаж на порядок дороже предыдущего. Плюс пятьдесят долларов с метра. Символично. Иерархия как зеркало современной жизни. Чем больше имеешь, тем выше забираешься... Сегодня мне тридцать три. В голову лезут разные не всегда умные мысли. Иисус в тридцать три поднялся на Голгофу за будущее человечества. А благодарное человечество в стремлении к небу штурмует высотки, стараясь обеспечить светлое будущее себе и своим отпрыскам. И плюет с высоты на тех, кто упал и так не сумел подняться.

Это я – не добитый реформами средний класс, выбравшийся из хрущевских полуподвалов. Нынче в среде рублевских обитателей модно говорить, что именно они вышли из хрущевки, но это не так. Рублевка вышла из сталинок. Не из коммунальных пятиэтажек – из ведомственных, в восемь – десять этажей, с потолками три двадцать, огромными окнами, толстыми гулками стенами и лепными фасадами. Мои родители были тихой интеллигенцией, спорили полупешотом на кухне, не ругались матом и верили, что Толстой с Достоевским знали рецепт спасения мира. Позже им пришлось спасать себя.

День рождения – почему-то почти всегда день воспоминаний, подведения итогов. Потертых альбомов, фотографий – трогательных детских и неудачных взрослых. День смахивания пыли с сувенирных слоников. Чтения чудом уцелевших при переезде старых открыток. День грустных размышлений о том, как быстро летит время. И уже никогда не будет восемнадцать, двадцать пять, тридцать...

Вадик и Крис

Однажды, во время очередного визита в нашу милую съемную каморку, моя подруга Крис задумчиво морщила лоб, разглядывала оклеенные жуткими бордовыми обоями стены нашего пристанища и выдала:

– Вадик, а почему бы нам тоже не пожениться?

– Зачем? – почесав кончик длинного носа, искренне удивился ее бойфренд Вадик. – И так хорошо. К чему усложнять жизнь формальностями?

– Чтобы взятку в гостинице каждый раз не давать и не объяснять каждой жирной корове на рецепции, что мы не женаты, но хотели бы жить в одном номере, – неожиданно ощерилась Крис. – В «Жемчужине» на меня эти крашенные сучки смотрели, как на проститутку!

– Брось, ты же продвинутая девушка! – благодушно поморщился Вадик. – Встретились какие-то замшелые провинциальные дуры. Нашла на кого внимание обращать! Надо быть выше этого. Ты сама всегда говорила, что штамп любви не прибавляет, что это пьянка с обжираловкой, что белое платье с фатой – мещанство и пошлость... И что любовь до гроба бывает только в сказках и триллерах. Разве нет? Я полностью с тобой солидарен.

– А если я изменила мнение? – упрямо тряхнула рыжими кудрями Крис. – Если я хочу и фату, и белое платье, и машину с ленточками, и крики «Горько!». Что, если я не такая продвинутая, как тебе кажется? И хочу любви до гроба, как в сказке?

– Или триллере? – усмехнулся Вадик. – Нет, ты серьезно?

– Вполне.

– Малыш, давай обсудим это дома. – Вадик ласково ущипнул подругу за щеку.

– Разве у нас есть дом? – раздраженно поинтересовалась Крис. – Почему мы не можем пожить вместе, как Сережа и Санька? У тебя есть собственная квартира, какие проблемы?

– Ты же знаешь, мне надо работать над диссертацией, – резко ответил Вадик, – скоро защита, необходимо сосредоточиться, а в твоём обществе это сделать очень сложно, детка.

– Подумаешь, диссертация! – ядовито процедила Крис. – Сережка вон прекрасно сосредотачивается в Санькином обществе. Плохому танцору вечно что-то мешает.

Выражение беспечности покинуло лицо Вадика, лоб прорезала сетка морщин, взгляд потяжелел, губы сжались в злую нить.

– Не дави на меня! Я этого не выношу! – прошипел он. – Лучше в себе разберись! Вчера ты корчила из себя девушку свободных взглядов и считала всех, кто женится, круглыми идиотами. Сегодня тебе подавай карету в ЗАГС. Что придумаешь завтра, какую роль разыграешь?

Крис вспыхнула так, что золотистые конопушки на круглом личике стали незаметны.

– Я-то как раз никого не разыгрываю, это ты все мнишь себя великим ученым. Только и слышу: «Защитусь, свалю в Америку!» Кому ты там нужен? Тоже мне, Эйнштейн недоделанный!

– Заткнись! – вдруг рявкнул Вадик.

Я вздрогнула от неожиданности. Было трудно даже представить Вадика в гневе: настолько вспышка ярости не вязалась с его обычным имиджем легкомысленного разгильдяя.

– Не ори на меня! – ощерилась Крис. – Пошел ты!

– Сама ты пошла... – буркнул, отвернувшись, Вадик.

Крис прикусила дрогнувшую нижнюю губку, подхватила вишневую сумочку-баул на длинных ручках – последний писк парижской моды, распрошталась со мной и моим Сережкой и метнулась к выходу.

Вадик остался один, потупил взгляд, буркнул:

– Извините.

– Бывает, – успокоил мой супруг, – милые бранятся – только тешатся.

Вадим согласно кивнул, хмурые морщинки разгладились, обыкновенное выражение ленивой беспечности вернулось на его лицо.

– Ребят, у вас есть что-нибудь пожарить?

В холодильнике валялись сосиски, на гарнир к которым я предполагала пожарить картошку, но визит сладкой парочки изменил мои планы, в чем я честно призналась Вадиму.

– В чем проблема? – охотно отозвался он. – Мы с Серегой живенько почистим и пожарим.

Не успела я глазом моргнуть, как мужчины взялись за дело.

– Могу предложить банку маринованных помидоров от свекрови, – сообщила я. – Гулять так гулять.

– Годится! – обрадовался Вадим. – У меня как раз в сумке водочка завалилась.

– У тебя не сумка, а скатерть-самобранка, – улыбнулся Сережка.

– Раскрываю военную тайну, – сделал страшные глаза Вадик. – Кореш у меня сторожем в Центральном универсаме подрабатывает. Если что надо достать, обращайтесь.

Вадик принялся быстро раздевать картошку, оставляя длинную тонкую кожуру.

– Ловко, – подивилась я. – Какие скрытые таланты! Вадим, ты полон сюрпризов.

– Я еще могу забор сколотить, – гордо отозвался Вадик. – В стройотряде довелось.

– А мы в стройотряде колхозникам помогали урожай собирать, – сообщил Сергей. – Так что наша научная интеллигенция подкована во всех областях. Если останемся без работы – с голоду не умрем.

– За что люблю эту страну – за уверенность в завтрашнем дне, – объявил Вадик.

– Ты вправду хочешь из России свалить? – поинтересовался Сергей.

Вадик задумчиво наморщил лоб, поскреб кончик носа.

– Есть такое желание. Сам знаешь, за бугром перспектив для работы больше, лаборатории лучше оснащены, да и жизнь побогаче. Что нам здесь светит? Должность завлаба, да и то годам к пятидесяти, когда наших на пенсию выпихнут. Ну, может, до профессора дорастешь. Академиком точно не станешь – у них свои дети подрастают. А туда приедешь, возьмешь проект, сразу тебе и дом, и бабки достойные, и лаборатория своя в перспективе, и возможность роста...

– Все так, – поправил Сергей, – но для этого надо, чтобы в тебе были заинтересованы. Без приглашения в конкретный институт под определенные условия никому ты там не нужен. Своих хватает. И никто тебе сразу ни дом, ни проект, ни кучу денег не даст. Это иллюзия. Ты же не ученый с мировым именем. Защищаться надо здесь. Кандидат наук уже чего-то стоит. А аспирантов у них своих как собак нерезаных, и стипендия невелика.

– Я рассылаю письма, но пока тишина, – вздохнул Вадим. – Благо сейчас не семидесятые, когда за одну такую мысль сожрали бы с потрохами. Сам-то ты никогда не думал?

– Мне и здесь хорошо, – сказал Сережка, – зарплата нормальная, стану кандидатом – четыреста двадцать дадут, квартиру обещают через пару лет...

– Ага, – скептически хмыкнул Вадик, – квартиру через пару лет, телевизор по блату, новый холодильник к серебряной свадьбе, машину к пенсии, отдых на шести сотках... плюс водка по талонам. Разве это жизнь? А, Санька? – обернулся ко мне Вадим.

– Нормальная жизнь. – Я улыбнулась Сережке. – Не все деньгами определяется, теперь я это точно знаю.

После пары рюмок водки Вадика неожиданно развезло, и он заплетающимся языком объявил, что ему у нас очень нравится и он с радостью заночует. Это заявление нас с Сережкой совершенно не вдохновило: мы предполагали жаркий секс, и присутствие Вадима никак

не вписывалось в эти планы. Мы напомнили про придурочного хозяина с привычкой навещать в любое время суток и не одобрявшего ночных гостей.

– Холодильный воруга? Я дам ему палку финского сервелата, он и отвалит, – вяло махнул рукой Вадим. – А вообще, гоните его в шею... Вот что! – с видом Архимеда, только что открывшего новый закон, поднял вверх палец. – Идея! Переезжайте ко мне. А что? У меня отдельная квартира. Разместимся! Я и денег с вас не возьму. Санька будет готовить... Вместе веселее...

– Я не кухарка. Крис пригласи.

– Крис не умеет готовить, – жалобно сморщился Вадик. – У нее в холодильнике конфеты и бутылка шампанского. Требуется: веди в кабац. А меня этот общепит во как достал... – полоснул ребром ладони по горлу, – хочется тепла и домашнего уюта... Уа! – Вадик зевнул во весь рот, так что при желании можно было разглядеть все его пломбы.

– Э-э, я не знал, что тебе достаточно двух рюмок, – покачал головой Сережка, ласково похлопал друга по плечу. – Давай-ка мы тебя проводим, посадим в такси. Поедешь домой, в тепло и уют...

– Не хочу домой, – капризничал Вадик. – Там пусто. Жалко вам приютить человека на ночь... Какие вы друзья после этого?

– У нас и лечь негде... – растерянно развел руками Сережка. – С нами, прости, не получится. Не будешь же ты сидеть всю ночь на кухне?

– Ну ладно, – смиловился Вадим, – дайте мне телефон.

Он набрал номер и заговорил воркующим голосом:

– Эллочка, детка! Это Вадик... Узнала? Да, вернулся, буквально только что с вокзала. Безумно соскучился... Сейчас приеду...

Вадик повесил трубку, расплылся в довольной улыбке Чеширского кота.

– Ну, я пошел. Всем пока! Веселой ночи!

Помахал ручкой и нетвердой походкой побрел к выходу.

Я ничего не рассказала Крис. Права я была или нет – кто знает... У меня до сих пор нет однозначного мнения на сей счет. Но в тот момент я предпочла притвориться слепоглухонемой – не хотелось быть гонцом, приносящим плохие вести.

Роман Крис и Вадика клонился к завершению с неумолимостью заката.

Крис сидела на нашей кухне, мрачно курила, накручивала рыжие пряди на указательный палец, что означало крайнюю степень тревожности, и перечисляла недостатки бойфренда.

Скряга – в приличный ресторан не вытащишь, а если вытащишь, будет сидеть с недовольным видом, критиковать каждое блюдо. И вообще, недвусмысленно дал понять, что, если они станут жить вместе, Крис придется забыть про рестораны и научиться готовить, а у нее на плиту аллергия, хуже чем на контрольную по лингвистике.

Не имеет вкуса – подарил губную помаду жуткого ядовито-морковного цвета, духи с клопоморным запахом, зеленые колготки в убойную крупную клетку и долго спрашивал, почему Крис всем этим не пользуется. А уж сам-то одевается...

Страдает синдромом непризнанного гения – вечно ворчит, что на работе его не ценят, вокруг сплошная серость, убогий умишко куратора не в состоянии оценить полета научной мысли в Вадиковой кандидатской, а его исследования достойны не иначе как Нобелевки.

Плохие манеры – даже шепотом говорит так, что его слышно в Подмоскovie, в ресторанах игнорирует нож, сморкается как иерихонская труба.

И в постели ничего особенного...

Тут я не выдержала и спросила, какого черта Крис до сих пор не дала ему отставку.

Крис затушила сигарету о блюдце и устремила на меня взгляд больной птицы. И все стало ясно без слов. У настоящей любви не всегда розовый цвет и шоколадно-мармеладный вкус. Иногда она бывает горькой и обжигающей, как двойной эспрессо без сахара пополам с сигаретным дымом, зеленой, как тоска или дурацкие колготки.

– Сережа не рассказывал. Вадик не делился с ним, нет ли у него другой? – жалобно спросила Крис.

– Не рассказывал, – ответила я с чистой совестью: мы с Сергеем не обсуждали Вадиковых походов.

Крис жалобно наморщила лобик и выдала:

– Слушай, а может, ты поговоришь с Вадиком?

От неожиданности я поставила чашку мимо блюдца.

– Я?! О чем?

– Ну, о нас с ним, о том, что не мешало бы попробовать пожить вместе...

– Крис! Твой Вадик пошлет меня подальше... Кто я такая, чтобы он меня послушал?

– Между прочим, он тебя уважает, – огорошила Крис. – Однажды сказал, что Сереге с тобой очень повезло.

– Хм... Я, конечно, польщена... – пробормотала я, – но не думаю, что это хорошая идея... Это же очень личное...

– Ну, пожалуйста, – взмолилась Крис. – Мне интересно, что он тебе скажет... Прошу тебя... Мы же подруги...

– Ну, хорошо, я попробую... Но вряд ли это что-то изменит...

– Спасибо! – с жаром выпалила Крис. – Я знала, что ты настоящий друг!

«М-да, – тоскливо подумала я, – задала ты мне задачку...»

Когда Вадик в очередной раз заявился к Сереге, я выманила его на кухню и в лоб спросила про его планы в отношении Крис. Как я предполагала, Вадик очень удивился моему любопытству, а потом с циничной, но обезоруживающей прямолинейностью ответил, что Крис – очаровательная девушка, но, во-первых, он пока вообще не готов к серьезным отношениям с кем-либо. Он любит секс и женщин свободных взглядов, любящих секс. Крис казалась ему именно такой, этим и нравилась. Он был честен с ней с самого начала – никаких взаимных обязательств. А во-вторых, сама Крис еще не созрела до семьи и брака. Несмотря на ее показную взрослость и независимость, на самом деле Кристина – капризный ребенок, который хочет, чтобы ее кормили, баловали и развлекали. Со вторым пунктом в глубине души я была согласна, но не собиралась обсуждать Крис с Вадиком.

Тот же второй пункт я опустила при разговоре с Крис. Но ей было достаточно и первого. Крис выкурила сигарету, процедила сквозь зубы:

– Ну что ж... Клин клином вышибают.

И стала прощаться.

– Ты куда? – зачем-то спросила я.

– Тут один мой старый приятель прорезался. Мы когда-то весело проводили время. Потом он женился, а сейчас развелся. Хочет встретиться. Пригласил в ресторан. От Вадика не дожدهшься...

Подруга чмокнула меня в щеку, вымученно улыбнулась.

Потом я узнала, что Крис со своим старым приятелем отправилась в пафосный ресторан, затем на выходные на его зимнюю дачу в красивом месте с вековыми соснами на участке. И все было классно. А вернувшись, она зачем-то без звонка отправилась к Вадiku. Дверь ей открыла какая-то полуодетая девица и удивленно спросила:

– Вы к кому?

– К любовнику, – ответила Крис.

Девушка вытаращила бараньи глаза:

– К какому любовнику?

– Судя по всему, к нашему общему, – сухо ответила Крис.

Тут из ванной вылез Вадик, одетый в банное полотенце, разрисованное яркими мячами, отвесил челюсть и принялся подбирать слова, но ничего умного не придумал. Девка принялась визжать, вклеила Вадика пощечину. Крис не стала дожидаться окончания мыльной оперы и быстро спустилась по лестнице, на ходу глотая слезы. Дома она еще надеялась, что Вадик позвонит, попросит прощения, что-нибудь соврет, но он не позвонил. Очевидно, давно хотел прекратить отношения и ожидал подходящего момента, который как раз представился.

Крис ушла в загул, провалила зимнюю сессию и забрала документы, заявив, что институт ей смертельно надоел. Однажды днем позвонила из уличного таксофона и спросила, может ли зайти. Я была рада ее визиту. Крис вошла на кухню, достала сигарету, я предложила обед и кофе. От обеда Крис отказалась, а от кофе нет. В Крис не было обыкновенной бравады, напротив, веяло задумчивой грустью. Мы немного поболтали, но меня не покидало ощущение того, что Крис хочет говорить о другом, но не знает, с чего начать. Я сказала ей об этом.

Крис вскинула на меня прозрачно-серые глаза и криво усмехнулась:

– Я залетела.

Я поперхнулась кофе:

– Он знает?

– Кто, Вадик? – Крис передернула плечами. – Нет, он тут ни при чем. Если честно, я сама не знаю от кого. У меня в последнее время было трое мужчин. Впрочем, это не имеет значения. Я не собираюсь рожать неизвестно от кого в девятнадцать. Просто... мне надо было с кем-то поговорить.

Мы снова помолчали. Я переваривала услышанное, силилась представить себя на месте подруги, но не получалось. Я не знала, что сказать. Потому произнесла банальное:

– А мама?

– Мила знает. Она и устроит все в лучшем виде. Наорала, назвала меня тупой шлюхой... – Крис закусил губу, несколько раз моргнула, чтобы скрыть непрошеную влагу. – Ты тоже считаешь меня такой?

– Нет, конечно! – поспешно выпалила я. – Крис, если тебе понадобится моя помощь, звони в любое время, договорились?

Крис кивнула, докурила, допила кофе и стала собираться.

– Не говори Сереге, ладно?

Я снова повторила:

– Нет, конечно.

– Увидимся, – вяло махнула Крис. – Ну, пока.

Крис чмокнула меня в щеку, и ее каблучки зацокали по подъезду. Я машинально вытерла след помады, пахнувший табаком и ментолом. Меня не покидало смутное ощущение, что подруга ожидала от меня чего-то другого, больше чем молчаливое сочувствие.

Обмен «полтинников» и сторублевок

Солнечным январским утром я проводила Сережку на работу и, блаженствуя на заслуженных каникулах, уползла в постель досматривать сны. Разбудил тревожный звонок. Взволнованный мамин голос молоточками застучал по вискам:

– Саня, срочно собирайся и приезжай! Реформа. Меняют деньги. Бери с собой, сколько есть, я заняла очередь в банке. Позвони Сереже...

Очередь возле Сбербанка змеилась на половину улицы. Люди зябко ежились на промозгом ветру, притоптывали, обменивались информацией и тихо роптали. На громкое возмущение не решались – неподалеку дежурил сине-белый милицейский уазик, из которого периодически выходили размяться двое плечистых молодцов с автоматами. Накануне вечером президент подписал указ об обмене «полтинников» и сторублевок на новые в трехдневный срок, не более тысячи рублей на человека. Если у кого-то на руках оставалось больше, следовало написать заявление в специальную комиссию с объяснением происхождения денег. Заявление должно быть рассмотрено в течение года, после чего давался ответ о возможности или невозможности обмена. В случае отрицательного решения деньги пропадали. С банковского вклада также можно было снять ограниченную сумму – пятьсот рублей на человека. Остальные деньги замораживались до особого распоряжения. Истерически всхлипывала женщина в элегантном пальто с норковым воротником и стильном меховом берете. Они с мужем копили на автомобиль, но деньги хранили дома.

– Говорят, где-то можно найти спекулянтов, которые меняют любую сумму за пятьдесят процентов, – рассказывали в очереди. – Они в сговоре с банком.

– А куда милиция смотрит? – возмутился пожилой военный. – Это же мошенничество в чистом виде.

– Неизвестно, кто больший мошенник. Спекулянт хоть половину отдает, а родное государство обдирает вчистую. Помните, этот министр Павлов бил себя в грудь, что обмена не будет? И вот вам, пожалуйста...

– Сволочи, – простуженно зашмыгала красным носом неопределенного возраста тетка в застиранном пуховом платке и потрепанной телогрейке, – не могли до лета подождать. Всего три дня... Хоть бы неделю дали. Издеваются над людьми...

– Зачем вообще они все это затеяли? – спросила мама.

– Говорят, для того, чтобы обуздать инфляцию и ликвидировать дефицит. Мол, у людей слишком много денег, вот и скупают все подряд.

Пожилой военный злобно сплюнул на обледеневший асфальт.

Очередной порыв колючего ветра заставил вздрогнуть, зубы выбили барабанную дробь. Сапожки на «рыбьем» меху, джинсы в облипочку и шикарная, но тонкая французская дубленка, купленная у Крис, оказались плохой защитой от январской стужи.

– Замерзла? – участливо спросила мама.

– Нормально, – буркнула я, отчаянно шевеля пальцами ног.

– Сбегай домой, погрейся, а то простудишься. Здесь еще часа на три.

– Ладно, – предложила я, – давай стоять по очереди: полчаса ты, полчаса я. Благо дом близко.

Дед Георгий смотрел телевизор и ожидал, когда мы его позовем. Он тоже порывался стоять с нами, но мы с мамой сумели его убедить остаться дома и слушать «Новости»: вдруг передадут что-нибудь важное, например про отмену обмена. Разумеется, никто из нас не верил в это всерьез, но нам с мамой был нужен веский аргумент, чтобы оставить деда Георгия дома: не хватало восьмидесятилетнему старику морозиться в очередях.

Серезка позвонил и сказал, что на работе всем поменяют централизованно. Руководство института сумело договориться с банком. Он просил не волноваться, мол, все будет хорошо, старался говорить убедительно, но в его голосе слышалась растерянность.

Наличных денег на руках у нас было немного: основное как раз лежало в банке на процентах. Почти пятнадцать тысяч, копейка к копейке, честно заработанные и накопленные дедом и покойной бабушкой на протяжении целой жизни. Пятнадцать тысяч рублей – кооперативная квартира в новенькой «башне», на самом высоком этаже. Собственный крохотный оазис тепла и уюта с просторными светлыми квадратными комнатами и большой лоджией, на которой можно пить кофе и любоваться закатом... И шустрая машинка, чтобы навсегда забыть об оторванных в переполненном транспорте пуговицах и перепачканных колготках как о кошмарном сне... Материальный эквивалент пожизненного труда на благо социалистической родины одной семьи – одной из миллионов – простых, маленьких, безвестных, никому не интересных людей. Пятнадцать тысяч рублей... Одним росчерком пера превратившиеся в прах.

Наша очередь подошла за сорок минут до закрытия банка.

– Когда я смогу снять оставшиеся деньги? – дернувшись лицом, спросил Георгий. Его руки мелко дрожали. Мое сердце заходило от жалости: никогда я не видела деда таким потерянным.

– Не знаю, – равнодушно, на автомате, отозвалась операционистка, уставшая целый день отвечать на один и тот же вопрос. – Ждите указа.

– Сколько ждать? – Георгий говорил громко, потому что плохо слышал, и ему казалось, что его тоже не слышно. – Мне восемьдесят лет.

– Не кричите, – поджала губы операционистка. – Напишите распоряжение на близких родственников. От меня ничего не зависит. Я всего лишь выполняю свою работу.

– Вы-то наверняка свое все и забрали, и поменяли! – с ненавистью произнесла стоявшая за нами тетка в телогрейке. – А я вот больная целый день на морозе проторчала! – И зашла в надсадном кашле.

Операционистка поджала губы, но сделала вид, что не слышит.

– Не волнуйся, отдадут. Просто чуть позже, – попыталась я успокоить Георгия.

– Сволочи! – вдруг громко выкрикнул дед. – Все наше правительство, власть эта поганая – сволочи. Семьдесят лет людей обирают, гнобят, с дерьмом смешивают, и все мало! Ну, пусть подавятся этими деньгами, пусть все забирают – не впервой! Какую страну просрали, разворовали, разорили...

И, ссутулившись, поник, вытащил смятый платок, вытер лицо.

– Пап, не надо... – попросила мама.

Неприметный человек в штатском моментально вырос возле нас, придержал деда за локоть и тихонько произнес:

– Спокойно, гражданин, не надо шуметь.

– Не трогайте его! – процедила я сквозь стиснутые зубы. – Уберите руки.

Он посмотрел на меня в упор, у меня мурашки пробежали по спине от цепкого немигающего змеиного взгляда.

– Девушка, есть вещи, которые не стоит произносить вслух. Берите своего дедушку и ступайте домой. Не создавайте себе проблем.

Я с трудом подавила отчаянное желание расцарапать бесстрастную физиономию неизвестного или просто обложить его трехэтажным матом...

– Между прочим, у нас гласность, – прошипела в ответ.

– Что он сказал? – не расслышав, нетерпеливо допытывался дед.

– Сказал, что все это ненадолго, временная мера. Через несколько месяцев можно будет забрать остальное, – подхватывая Георгия под локоть, ответила я как можно убедительнее. – Пойдем.

– Правда, скоро отдадут? – услышав мое вранье, с робкой надеждой переспросили из очереди.

Я молча толкнула на выход стеклянную дверь банка.

Пронизывающий ветер бросил в лицо пригоршню колючего снежного порошка.

– Погодите расстраиваться, может, это действительно временная мера и потом вернут остальное? – оптимистично предположила мама. – Не может же быть, чтобы вот так – раз, и отняли. Мы же не в диком Средневековье живем, существуют законы...

– Как ты наивна, Таня, – с горечью произнес Георгий. – Это хуже, чем в Средневековье, тогда одних вера останавливала, страх перед Богом, других – кодекс чести... А сейчас ничего нет. Они ничего не вернут, я им не верю. Я стар, но не глуп. Нас снова обобрали. Как в анекдоте: приходят красные – бьют, приходят белые – тоже бьют... Сволочи...

– Не в деньгах счастье, – сказала я, кусая губы. – Пусть подавятся.

Что еще я могла сказать?

Беременность

Мой женский цикл не отличался пунктуальностью, потому я сперва не придавала очередной задержке большого значения. Но по истечении шести безрезультатных дней все-таки купила тест на беременность и воспользовалась им ранним субботним утром. Тест приговорил – две полоски.

Я тупо таращилась на индикатор и не понимала, радоваться или огорчаться либо то и другое одновременно. Как же так? Мы же были осторожны...

Конечно, как любая женщина, я хотела родить ребенка от любимого, но отодвигала это замечательное событие на неопределенный срок.

Ведь ребенок – это навсегда. Это колоссальная ответственность. Мы в ответе даже за тех, кого приручили, не говоря о тех, кого произвели на свет. А я никогда ни за кого не отвечала, даже за аквариумных рыбок, в отличие от других детей, не просила завести ни собачку, ни котенка, потому что боялась этой самой ответственности как огня.

Ребенок – это ограничение свободы. Моей драгоценной свободы, которую я позволила ограничить только Сережке. Но Сережка – вот он, осязаемый, знакомый, любимый, а будущий ребенок – полная неизвестность. Я не раз слышала, как многие женщины говорили, что, как только узнали о беременности, сразу полюбили будущего малыша, но мне это казалось полной чепухой. Как можно любить того, кого ни разу не видел, не слышал, не знаешь, какого он пола? Даже от моего горячо любимого Сережки я могу в любой момент взять и уйти, если вдруг захочу это сделать. А от ребенка никуда не денешься, если ты, конечно, не последняя сволочь.

Вот такие мысли роились в моей голове.

Но, несмотря на все страхи и волнения, меня вдруг переполнил восторг. Неожиданно для себя самой я поняла, что где-то, в самых потаенных клеточках мозга, скрывалось смутное сомнение: а смогу ли? Мысль более чем странная для молодой здоровой восемнадцатилетней девицы, но ведь заложены же в каждом человеке неосознанные инстинктивные страхи смерти, утраты, быть может, наряду с ними существует и другой страх – невозможности продолжить род. Запрятанный вглубь, опечатанный семью замками подсознания, он дремлет, готовый в каждую минуту проснуться и вырваться на свободу. Но вдруг настает момент истины, когда понимаешь: этот кошмар – всего лишь дурной сон, и ты изгоняешь его прочь, радуясь пробуждению.

Я сказала себе: как можно отчаиваться из-за того, что ты забеременела от любимого человека? Пусть рано, не вовремя, но разве можно спланировать всю жизнь? Судьба не любит самонадеянных и непременно вносит коррективы жирными чернилами в грандиозные планы глупых девочек. И это к лучшему, иначе жизнь стала бы невыносимо скучной в тривиальной предсказуемости.

Вот только согласится ли с моими измышлениями мирно спящий Сережка? Крис сто раз повторяла, что ничто так не пугает мужчину, как весть о «залете» подружки. Стоп. Я не подружка. Я – законная супруга. Но вряд ли это сильно меняет ситуацию. Кто из нас сверяет свои желания или нежелания с паспортом?

Я приняла душ, подбирая нужные слова под шипящей струей.

Что, если он не захочет? Если скажет, что надо подождать, что лучше сделать аборт? Говорят, первый аборт опасен... Как можно продолжать любить мужчину, принудившего свою женщину к аборту? Господи, зачем я думаю об этом... К чему гадать, если все очень просто выяснить...

– Сашуля, ты в душе? – Пробудившийся Сережка деликатно постучал в дверь. – Разрешить присоединиться?

– Заходи.

Муж не заставил себя повторять дважды и предстал передо мной во всей красе. Я невольно залюбовалась его крепким сильным телом, сумевшим не только разбудить в девочке женщину, но и зародить в этой женщине новую жизнь...

Выключила душ. Вода стекала с моих волос теплыми шустрými струями.

– Сережа, я хочу тебе кое-что сказать...

– Что, моя русалочка? – Он приблизился, обнял меня за талию, потерялся колючей щекой о мой живот.

Внезапно мне стало страшно, что он не обрадуется. Я медлила, перебирая его волосы, чувствовала, как дрожат мои пальцы.

– Что? – настойчиво повторил Сережка.

– Я беременна.

– Что? – снова повторил он недоверчиво, и лицо его озарилось светом, глаза засияли. – Санька, ты ждешь ребенка? Это правда?

Я кивнула.

– Сашенька... – выдохнул он.

– Ты рад? – уточнила я.

– Рад?! Это неправильное слово! Я безумно счастлив! Ты что, плачешь?

– Я боялась, что ты не обрадуешься... – всхлипнула я.

– Глупышка! Я стану отцом...

– Но все так быстро...

– Наш век – век скоростей, – засмеялся Сережка.

Муж подхватил меня на руки мокрую, всхлипывающую, дрожащую, осыпал с головы до ног поцелуями, завернул в полотенце, отнес на кровать.

– Лежи, я приготовлю завтрак.

– Потом... Иди ко мне.

– А можно? – робко поинтересовался муж.

– Нужно, – рассмеялась я, – желание беременной женщины – закон.

– Отличный закон! – обрадовался Сережка, ныряя в постель.

Весть о моем интересном положении близкие, друзья и знакомые восприняли неоднозначно.

Мама тяжело вздохнула и посетовала, что мне придется нелегко. Конечно, лучше было бы сперва окончить институт, а потом думать о детях... Я ответила, что так и планировала, но, как гласит народная мудрость, человек предполагает, а Бог располагает. Я и не собиралась бросать учебу и делаться одной из тех домашних куриц, которые не видят дальше ползунков и мексиканских сериалов. Существуют разные варианты обучения: вечернее, заочное, экстернат. Сережкина зарплата плюс моя повышенная стипендия позволяли пригласить няню хотя бы на половину дня. Сережкин дом начал строиться, уже поставили забор и принялись рыть котлован. А от всех форс-мажоров, будь то реформа, ураган или военный конфликт, как у моей лучшей подруги Зайки, эмигрировавшей в Израиль, не застрахуешься. Если всего опасаться, лучше не жить. Папа обрадовался, заметил, что не в дипломе счастье, и на другой день накопил разноцветных погремушек и пустышек. Дед Георгий воспрянул духом, махнул рукой на замороженный вклад – все это мелочи по сравнению с появлением новой жизни, решительно отверг вариант с няней – пообещал эту роль взять на себя. Вырастил внучку, поднимет и правнуков.

Сережкины родители, услышав новость по телефону, радостно воскликнули, что непременно ожидают нас летом на фрукты и срочно принимаются за обустройство детской. Единственное, о чем они страшно сожалели, – это о том, что не успели отстроить новый дом.

Токсикозом я не страдала, мужа беременными капризами не изводила – ноющие дамочки, требующие луну с неба, потому что их сиятельство изволило «залететь», вызывали у меня дикое раздражение. Поэтому я не поддерживала знакомства с «себе подобными», вместо пособия для будущих мам штудировала классиков и писала рефераты по психологии среднего школьного возраста, не разговаривала с животом, поскольку считала новомодные теории чепухой и средством от безделья для скучающих домохозяек. Я категорически не желала, чтобы со мной носились как с больной и немощной. Относилась к своей беременности как к естественному процессу, сродни явлению природы, которому вообще не стоит уделять большого значения, так как в нужный срок он благополучно завершится. На вопрос, кого я жду, мальчика или девочку, абсолютно искренне отвечала: все равно, лишь бы родился здоровым и поменьше орал. Страшилок про ночной рев я наслышалась от мамы – выяснилось, что я была весьма беспокойным ребенком.

Порой с опаской вертелась перед зеркалом. Меня волновало, сумею ли сберечь после родов фигуру, не разнесет ли до невероятных размеров, не обвиснет ли грудь, не останутся ли растяжки, вернется ли моя фирменная, годами наработанная походка – от бедра, одна нога перед другой, словно по невидимому канату... Сережка посмеивался над моими опасениями и заверял, что полнота мне не грозит, что я стану самой стройной и сексуальной мамочкой в мире, и вообще, он будет любить меня в любом размере.

С такими радужными мыслями мы отбыли на лето к Сережкиным родителям, где со мной все носились как с хрустальной вазой, и мне было ужасно неловко по этому поводу. Целыми днями я валялась с книжкой на шезлонге в саду, лопала фрукты, а Сережка с папой пристраивали терраску для игр будущего наследника и чаепитий на свежем воздухе.

ГКЧП

В августе вернулись домой. Настроение было превосходным. Гуляя по центру, я случайно набрела на распродажу и стала обладательницей замечательных голубых лодочек – мягких, удобных, на невысоком стильном каблучке рюмочкой – мечта любой женщины, даже беременной. Баюкая в полиэтиленовом пакете заветную коробку, устремилась к пекарне неподалеку, откуда по округе распространялся изумительный аромат свежеспециенных булочек. Белая булка с сыром, шоколад и чашка крепкого душистого чая... Все, что нужно для полного счастья в ослепительно яркий августовский день...

Возле булочной стоял танк. Я затормозила так резко, что сзади на меня налетел пожилой дядечка в очках и тоже оцепенел, пробормотав под нос:

– Ни хрена себе...

Я подошла ближе. На танке сидели молодые ребята в военной форме, смеялись, переговаривались с прохожими, чувствовали себя героями дня.

– Эй, девушка, хочешь покататься? – крикнул мне один из солдатиков в залихватски сдвинутом на затылок шлеме. – Давай, забирайся! – И протянул руку.

Забираться на танк я отказалась, спросила, задрал голову:

– А это что, учения?

– ГКЧП! – важно отозвался паренек.

– А что это? – не поняла я, но на всякий случай покрепче ухватила пакет с вожденными туфельками.

– Ты что, телик не смотришь, газет не читаешь?! – изумился солдатик. – Государственный комитет по чрезвычайному положению. Военный переворот. Президента в Форосе задержали!

– За что?! – изумилась я.

Парниша сдвинул шлем набок и поскреб затылок. Очевидно, на этом его политические познания закончились.

– А хрен его знает. Вон, газету «Правда» купи, там все прописано.

– Слышь, зачем девушку грузишь? – встрял второй. – Лучше телефончик спроси... Девушка, а как вас зовут?

Мои дальнейшие попытки выяснить, что все-таки произошло, не увенчались успехом. Молоденьких танкистов, солдат-срочников, политические игры интересовали не больше позавчерашнего метеопрогноза. После скучных казарменных будней парни радовались незапланированному развлечению: лузгали семечки и заигрывали с девчонками в легких летних нарядах.

Я отошла к газетному киоску, купила «Правду» и попыталась сосредоточиться на обращении Чрезвычайного комитета. Возле киоска собралась группа людей, живо обсуждавших происходящее.

– Горбачева скинули, – злорадно поведал тщедушный лысоватый мужичок с огромным потрепаным рыжим портфелем. – Так ему и надо за сухой закон.

– Нужно всем ехать на баррикады к Моссовету и Белому дому, – покачнувшись, авторитетно заявил не совсем трезвый товарищ и поскреб трехдневную щетину, – там всем, кто против путчистов, водку бесплатно раздадут и тушенку.

– Кто раздает? Где? – наострилась сухопарая тетка в мелких кудельках дешевой химзавивки, с глазами ярко подведенными синими стрелками и губами в жирной розовой помаде.

– Палаточники местные. Боятся, что власть переменится, и их бизнес свернут к чертям собачьим. Мне друг позвонил. Он там с утра загорает. Щас и я поеду. Плевать мне, кто к власти придет. А водка с тушенкой лишними не будут.

– А это не опасно? – засомневалась тетка. – Вдруг стрелять начнут?

– Да ты чё! Кто начнет? – махнул рукой нетрезвый товарищ. – Эти пацаны, что ль? – Кивнул в сторону веселых танкистов. – У них и оружия нет!

– Вот военные власть возьмут, и будет диктатура, – прогремел высокий старик в расхлябанной белой кепке. – Ну и правильно. До чего страну довели! Людям жрать нечего... Одна болтовня языками – демократия... Кому она нужна на хрен? Да еще деньги отняли! Ворюги! Сталина на них нет.

– Это точно, – припечатала завитая тетка, – колготки порвутся – новые не купишь... В коммерческом по десять рублей за пару, разве я могу по десятке покупать? У меня зарплата сто тридцать... А эти новоявленные коммерсанты скупают оптом в магазине с черного хода по два рубля. И продают по десять. Вот и весь их бизнес. Спекулянты и мошенники.

– А вы Сталина захотели? – взвизгнула старуха с клюкой. – Лагеря?! Мало людей сгноили, кровопийцы?! Только о деньгах и думаете!

– Сталин, что ли, доносы на соседей писал? – возвысил голос старик. – Сами друг друга гнобили, жлобы! А теперь все на Сталина валите. А при нем был порядок! С этими болтунами хрен бы мы войну выиграли! А деньги свои я, между прочим, потом и кровью заработал, не спекулировал, не воровал!

– Кто это доносы писал?! Да я тебя знаешь за такие слова! Я в лагере семь лет отсидела, между прочим! – Старушенция замахнулась клюкой, в ответ дед угрозил кулаком, и оба принялись выяснять, кто за что воевал во Вторую мировую.

– Деньги отнял Павлов, один из главных в ГКЧП, – сказал мужчина в светлом костюме с кожаным «дипломатом». – Так что, если ГКЧП победит, мы ничего назад не получим. А так – обещали вернуть остатки к зиме.

– А я никому не верю, – сказала завитая тетка. – Все они мастера языками возить. Хрущев коммунизм к восьмидесятому году обещал и каждой семье по квартире. И где? До сих пор в коммуналке живем, внуки уже растут.

– Возле Белого дома баррикады строят, – ковырнув в носу, сказал мне какой-то пацан лет четырнадцати, – я сам видел. Троллейбусы переворачивают. Народу – тьма.

– Зачем? – изумленно спросила я.

– Ну, эти, которые путч затеяли, хотят в Белый дом войти, танки пригнали, бэтээры, а те, кто за Горбачева, Ельцин с депутатами, их не пускают... А по телику смотреть нечего, один балет с утра...

Я почувствовала безумный выплеск адреналина, сердце заколотилось, как перед экзаменом. Рядом происходило что-то очень важное, глобальное, историческое, безумно интересное. Я не могла этого пропустить. Да, я в «интересном положении», но что значит беременность по сравнению с революцией? Чувствую я себя прекрасно. Всего-то четыре месяца – даже не заметно.

На Красной Пресне народу было столько, будто туда свезли все дефицитные товары разом и выбросили если не бесплатно, то по символическим ценам. Люди выплескивались из чрева метро, расщелин переулков, разевали глаза и рты, щелкали затворами камер. А посмотреть было на что. По дороге в сторону Белого дома вдоль высотных домов, зеленых газонов и цветочных клумб серой цепью тянулись танки и БТР. То были не беспечные срочники, а суровые насупленные профессионалы. Было что-то ирреальное, зловещее, фантасмагоричное в мерном передвижении боевых машин по центральной улице города. Мой шаг невольно замедлился. Ошеломленные видом военной техники зеваки вполголоса рассуждали о происходящем и высказывали самые разные, полярные мнения. Одни поддерживали путч, другие ругали, большинство сходилось во мнении, что происходящее добра не принесет, кто бы ни победил. Нехорошо это, когда по столице катаются танки.

На подходе к Дому правительства я увидела те самые баррикады, перегородившие проезд: лежащий на боку троллейбус с беспомощно свесившимися усами, мусорные баки, ограды, сорванные с расположенного рядом детского парка и самого Дома Советов, бетонные блоки, скамейки, спиленные деревья. Вокруг сгрудилась организованная толпа. На троллейбус забрался человек в черной кожаной куртке с очень знакомым по телеэкрану лицом и осипшим голосом выкрикивал в рупор:

– Сограждане! Преступная клика коммунистической номенклатуры, наплевав на волю народов нашей страны, России, узурпировала власть. Они знают только один способ разговора с народом – ложь и штык. Они лгут, сваливая все беды на Горбачева и демократов. Именно они все эти годы тормозили проведение демократических реформ. Они никого не накажут, не защитят, кроме самих себя!

Толпа одобритительно гудела в ответ.

Востроносая девица с выбеленными в солому волосами, дымя на ходу сигаретой, всучила мне листовку с воззванием и скороговоркой предложила присоединиться к защитникам демократии и реформ.

– А что будет, если ГКЧП победит? – поинтересовалась я из любопытства.

– Страна скатится назад к сталинскому режиму, лагерям и гражданской войне. Мы снова будем невыезными, будем жить за железным занавесом и смотреть по телику балет и заседания политбюро, – пыхнув сигареткой, заученно отрапортовала девица. – Ты ведь не хочешь этого? Тогда оставайся с нами. Скоро сам Ельцин придет, он сейчас на Манежной площади.

– Правда, что здесь водку и тушенку дают?

Девица стрельнула пронзительным взглядом:

– В ночь дежурить оставайся.

«Ну уж дудки, – подумала я, – в ночь это чересчур, даже за тушенку и демократию. Да и вряд ли мое скромное беременное присутствие что-то изменит. Никаких лагерей больше не будет – это полная чушь. Времена не те. Сколько можно Сталиным пугать? Еще бы Ивана Грозного вспомнили. А вот то, что идеолог этого ГКЧП тот самый, кто денежную реформу придумал, мне совсем не нравится. С другой стороны, нынешний президент тоже был в курсе, он реформу одобрил... И назад в советское прошлое я не хочу. Снова железный занавес, параноя, дефицит, вечное промывание мозгов о руководящей роли пролетариата, зверствах империализма и притаившихся повсюду врагах...»

Я совсем запуталась и решила заделаться независимым наблюдателем. Когда-то мы с Дашкой штудировали историю и безумно жалели, что все самое значительное и интересное уже давно свершилось, а нам выпало скучное время... Мы ошиблись.

Тем временем подошла военная техника и остановилась у баррикад. Из первого БТР вылез немолодой генерал и попросил разойтись и освободить проезд. Толпа ответила выкриками и улюлюканьем. Несколько человек лихо вскарабкались на БТР и стали позировать для фотографий. Завязалась перепалка. Генерал устало отер лоб и, махнув рукой, наказал колонне отступить. Тяжелая техника отползла к улицам и переулкам, вливающимся в площадь. Танки развернули дула в направлении Белого дома. Поначалу все это напоминало игру, обожаемую в школе «Зарницу», казалось, что большинство присутствующих как с одной, так и с другой стороны в глубине души воспринимают происходящее не всерьез, а как занятное шоу, коего так не хватает в серой повседневности. Студенты смеялись, заворачивались в перетяжки с лозунгами, украдкой отхлебывали из припасенных бутылков. Военные лениво покуривали на машинах. Но по мере того, как тянулось время, накапливались раздражение и усталость, мрачнее и жестче делались лица участников. Ожидание становилось невыносимым. Игра наскучила, реальность требовала действий. Накопленная энергия требовала выхода. Воздух электризовался гневом. Все чаще между сторонами возникали словесные

перепалки, переходящие в оскорбления и прямые угрозы. Парень в камуфляжке, дохнув горючей смесью бухла и дешевого курева, протянул початую бутылку «Столичной»:

– На, зарядись.

Я покачала головой.

– Как хочешь. – Парень отхлебнул прямо из горлышка, пошарил по сторонам мутным взглядом. – Тя как звать?

– Саня, – отозвалась я, подумав, что пора сматываться.

– Хе, и меня Саня, – хмыкнул парень.

Я промолчала.

Тут я услышала крики, хохот и ругань. Группка разогретых ребят с баррикад рванула к танку. Обступили, принялись карабкаться на броню. Толпа подбадривала восторженным улюлюканьем и аплодисментами. Вдоволь налазившись по боевой машине, отчаянные попытались залезть в люк. Экипаж, до сих пор старавшийся сохранять спокойствие, занервничал и занял глухую оборону.

– Куда прешь? – орал щуплый веснушчатый танкист с погонами майора на рослого парня в тельняшке. – Нельзя! Слазь, тебе говорят! Это же военная техника, совсем мозги пропил?

– Кто мозги пропил?! Я те щас покажу! – Парень в тельняшке полез в драку.

– Назад! – выкрикнул веснушчатый танкист, выхватывая пистолет. – Стрелять буду! У меня приказ! – И пальнул несколько раз в воздух.

Штурмовавшие танк отхлынули от боевой машины, бравада поутихла. Стоя вокруг, они материли военных и ГКЧП, но снова взбираться на танк не решались.

– Да брешет он, патроны-то холостые! – заорал оставшийся на танке парень в тельняшке. – Не хрена нас пугать, мы пуганые! А ну, давай сюда свою пушку!

Он прыгнул на щуплого танкиста, попытался завладеть пистолетом. Оба потеряли равновесие, свалились с танка и, отчаянно бранясь, стали кататься по земле. Несколько человек бросились растаскивать дерущихся. И тут прогремел выстрел. Парень в тельняшке моментом скатился с противника, оба, дико вращая глазами, тарачились друг на друга и на пистолет в руке танкиста. Один из разнимавших, студент в светлой футболке и бриджах цвета хаки, вдруг схватился за грудь, покачнулся и рухнул на заплыванный асфальт... Наступила тишина. Не было ничего ужаснее этой двухсекундной тишины – ватной, зловещей, нереальной. Все смолкло: топот ног, шарканье шин, звон проводов, многомиллионный мегаполис онемел на две секунды. Только колыхался знойный воздух. А потом августовскую духоту пререзал захлебывающийся женский вопль:

– Уби-или!

Мне стало холодно и страшно, по-настоящему, как никогда прежде. Страх объял все мое существо, от макушки до пяток. Я не могла ни дышать, ни двигаться, лишь смотреть и слышать, как случайно, бессмысленно, нелепо, словно у гладиатора на глазах толпы, обрвалась молодая жизнь...

– Я не хотел! – истерично кричал побелевший танкист. – Это случайность! Это он виноват! Он! – И судорожно тыкал пальцем в воздух. Парня в тельняшке уже не было – сбежал.

Пробудился мой тезка, привстал на ящик, присвистнул:

– Готов.

– Откуда ты знаешь? – прошептала я.

– Я в морге санитаром работаю. Много жмуриков перевидал...

И стал повествовать об отличиях живого от покойника.

– Заткнись! – закричала я, закрывая ладонями уши.

Я не могла, не хотела его слушать. Оцепенение прошло. Я сделал шаг, другой, побежала, понеслась прочь... Когда силы иссякли, перешла на быстрый шаг, только у входа в метро смогла остановиться и перевести дух.

«Пожелай своему врагу жить в интересное время...»

Ни одна идея, самая мудрая и правильная, не стоит человеческой жизни.

Прежде, чтобы избавиться от кошмара, было достаточно проснуться. Что делать теперь? Радоваться, что это случилось не с тобой? Забыть? Жить, как прежде? Словно ничего не было? Просто вымарать из памяти последние два часа, остановиться на том моменте, когда купила туфли... Стоп. Я беспомощно огляделась по сторонам и поняла, что оставила туфли там... Я забыла про них, спасаясь бегством. Я не смогу заставить себя вернуться... Я села на скамейку, закрыла лицо руками и зарыдала в голос. Прохожие оборачивались. Какая-то женщина участливо спросила, что случилось.

– Я потеряла туфли... Голубые лодочки... На баррикадах... Там человека убили...

Женщина тревожно попятилась от меня. Наверное, решила, что я сошла с ума.

– Черт с ними, с туфлями! – впервые кричал на меня Сергей и, размахивая руками, метался по комнате. – Разве ты не понимаешь, что это очень, очень опасно! Это не игра! Детство закончилось! Забыла, в каком ты положении?! А если бы тебе стало плохо? Если бы с тобой что-то случилось?! О себе, обо мне не думаешь, подумай хотя бы о будущем ребенке!

В любой другой момент я бы оцетибилась, стала браниться в ответ, но на сей раз Сережка был вправу и кричать, и размахивать руками, потому что я вела себя как легкомысленная девчонка, безмозглая эгоистка.

– Не кричи, – оправдывалась я, – я же не думала, что такое произойдет. Я только хотела посмотреть...

И заревела, ощутив запоздалый страх и вину за собственное легкомыслие. Беременность вообще сделала меня до неприличия сентиментальной – я могла расплакаться над какой-нибудь трогательной сценой в книге или фильме, чего прежде не наблюдалось.

При виде моих слез Сережка тотчас сник, перестал ругаться, сел рядом со мной, обнял и стал утешать.

– Ну, не плачь, пожалуйста, прости меня... Просто я очень тебя люблю... Мне вдруг стало так страшно... Я не представляю, как буду жить, если с тобой что-то случится. Даже не хочу об этом думать!

И я твердо пообещала, что впредь все революции в мире обойдутся без моего участия.

Спустя три дня все закончилось. Путч провалился. Его идеологов на какое-то время заперли в СИЗО Матросская Тишина, в Сокольниках, неподалеку от нашего дома. Глухая улочка моментально стала знаменитой, запестрела флагами и лозунговыми перетяжками, засверкала вспышками фотокамер, зазвучала рупорами митингующих сторонников и противников опальных политиков. Постепенно страсти улеглись, пленников отпустили восвояси. Президент вернулся к власти. Шок от боевых действий, развернувшихся в центре столицы, постепенно развеялся. Все старались делать вид, что ничего особенного не происходит, напротив, все изменения – к лучшему и приближают светлое будущее. Постепенно поверили, что так оно и есть на самом деле. Вроде все успокоилось, пошло по-прежнему, но то было обманчивое затишье – перед бурей. Безжалостной и беспощадной бурей девяностых...

Отпуск цен

Сыпал мокрый снег. Автобус брали штурмом. Под драповым свингером моего пуза заметно не было, а значит, на снисходительность толпы рассчитывать не приходилось. Я плюнула, решила не рисковать и поехать ко второй паре, когда схлынет спешащий к началу рабочего дня народ, а высвободившееся время скоротать в продовольственном – в утренние часы там бывало относительно малоллюдно, и шансы удачной охоты возростали.

Неладное я заподозрила еще на подходе: на лицах вылезавших из магазина бабушек с авоськами читались изумление, растерянность, отчаяние, злость, а у дедка в заплатанном френче и ушанке набекрень – вся гамма чувств разом. Дедок тоскливо сплюнул, нашарил в кармане «Беломор» и обронил в неизвестность:

– Ну, все, дождались изобилия, мать вашу. Теперь и подыхать можно.

Движимая любопытством и терзаемая смутными предчувствиями, я прибавила шаг и оказалась в торговом зале. По нему, точно по выставке, бесцельно слонялись люди, ничего не покупали, шарили глазами по витринам и переговаривались отчего-то шепотом. Я взглянула на витрину и едва не выронила сумку. То, что я увидела, относилось к области фантастики. Прилавки были заполнены товаром – пусть не первой свежести, притомившимся на складе в ожидании своего часа, но реальным, существующим и... безо всякой очереди. Заветренная темно-красная говядина, изможденные куры, жирная свинина, замороженная треска, ноздреватые сыры в мелкие и крупные дырки, колбаса трех видов, сосиски, молоко разной жирности в синих и зеленых пакетах... Я поморгала и помотала головой, ожидая, что мираж рассеется, но все осталось по-прежнему. Продавщицы, тетки средних лет в замызганных халатах, ошарашенные покупатели, толстая полосатая кошка, облизывающаяся в углу с удивленно-растерянным выражением на усатой мордочке.

Я очутилась у прилавка и сразу поняла причину невероятного изобилия и отсутствия людского ажиотажа. Момент истины заключался в ценнике, наспех переписанном корявым почерком. Говядина вместо вчерашних рубля пятидесяти за кило стоила семь двадцать. Кости с обрезками жил, носившие гордое название «кости бульонные», на деле служившие дешевой пищей для собак по пятьдесят копеек за килограмм, нынче предлагались по три пятьдесят. Рыба, сыр, колбаса, сосиски, молоко – все подорожало в пять-семь раз за одну ночь. В моем кошельке было двадцать пять рублей, которых должно было хватить на продукты на неделю плюс пять обедов в студенческой столовке, пара поездок на такси, покупка литературных новинок и последнего номера «Бурда», а также необходимых любой женщине мелочей от колготок до помады и лака для ногтей модного в новом сезоне оттенка... Я тупо таранилась на ценники и понимала, что моих двадцати пяти рублей мало на что хватит.

Предвосхитив мои мысли, какая-то женщина в розовом пуховике, из которого кое-где торчали перья, и мохнатым фиолетовым капоре истерически закричала продавщице:

– Вы что, спятили – такие цены заломить?!

– А мы-то тут при чем?! – в тон ей отозвалась продавщица. – Мы что, сами цены придумываем? Мы люди маленькие, что нам велели, то и пишем!

– Кто велел? – не унималась женщина в капоре. – Директор?

– Выше берите, – устало процедила сквозь зубы продавщица, которую с сегодняшнего открытия магазина, похоже, допросили не один десяток раз, и предчувствовавшая, что до окончания работы ей придется выслушать еще бог весть сколько вопросов, истерик, проклятий...

– А зарплату-то, зарплату-то прибавят?

– Понятия не имею. Может, прибавят, может, нет... – пожала плечами продавщица. – Нам намедни сказали, кто будет недоволен – уволят по статье. И куда потом?

– А жить-то как? – тоскливо осведомилась женщина в капоре.

Продавщицы потупились и ничего не ответили.

Я почувствовала, как все внутри похолодело и задрожало.

«Спокойно, – мысленно приказала себе, – прорвемся. Это какое-то недоразумение.

Если цены подняли, значит, и зарплату прибавят. Как же иначе?»

– Девушка, – доверительно шепнул какой-то пенсионер, – в универсаме на соседней улице еще по старым ценам торгуют. Правда, там очередь...

Очередь... Какое сладкое слово!

Я забила на вторую пару и лекцию по педагогике и рванула на соседнюю улицу.

Инфляция

Следующие две недели прошли под девизом: «Купи по старой цене!» Город сошел с ума. Казалось, никто не работал, не учился, не отдыхал: все только и делали, что с утра до ночи рыскали по магазинам в поисках распродаж. Я добросовестно приезжала в альма-матер, но, поддавшись общему ажиотажу, уносила с лекции в галантерейку, где выбросили дешевые колготки или симпатичные ситцевые халатики, две штуки в руки. Я не носила ситцевых халатиков, но покупала: дают – надо брать. Если не понадобятся, продам кому-нибудь дороже. Староста группы Ирка приволокла шикарные итальянские сапоги: куда Ирка стояла в очереди, ее тридцать девятый размер закончился, остался тридцать седьмой, но Ирка все равно купила, не зря же тратила время. И теперь продавала с надбавкой в червонец – компенсацией за труды. Сапоги моментально нашли новую хозяйку. Это было всеобщее безумие, все знали, что рано или поздно оно должно завершиться – с окончанием товаров по старым ценам либо денежных знаков у населения. Но об этом предпочитали не думать. Магазины, переписавшие ценники на новые, поражали «несоветским» изобилием, отсутствием толчеи и, как следствие, чистотой, тишиной и даже некоторой величественностью. Продавцы маялись, лишившись привычного ощущения собственной значимости: никто больше не подмигивал заговорщицки, не упрашивал поискать под прилавком или на складе завалившийся кусочек, не совал рубли сверху... С окончанием эпохи дефицита торговля лишилась своего могущества, достигшего в последние годы апогея. Власть распределения закончилась, настало время полной безоговорочной власти денег.

«Что у вас там творится?! – в ужасе спрашивала в письмах Зайка. – Я смотрела Си-эн-эн. Слушай, если вдруг что-нибудь понадобится, пиши, не стесняйся! Я же зарабатываю. Так здорово, что у вас будет ребенок! По-моему, дети – это самое большое чудо на свете. Особенно дети от любимых».

Худшие опасения подтвердились, когда в день зарплаты Сережка пришел мрачнее тучи. От него разило табаком, и это было скверным знаком: Сережка курил крайне редко, лишь в минуты сильного волнения.

– Что случилось? – спросила я.

Сережка устремил на меня взгляд побитой собаки и бросил на стол сто восемьдесят рублей.

– Это все. Повышения не будет. Финансирование прекращено. И еще... стройка заморожена на неопределенный срок.

Несколько секунд я тупо тарасилась на мятые купюры, потом опустилась на стул, запустила пальцы в волосы, мучительно соображая, как мы будем жить месяц на деньги, которых по нынешним меркам хватит разве что на две недели... По полу потянуло холодом, я почувствовала, как мерзнут ноги.

– Значит, квартиры не будет?

Сережка молча покачал головой.

– Что же нам делать? – жалобно спросила я мужа.

Он отвел глаза. Впервые я видела Сергея таким несчастным и растерянным.

– Есть еще гранты... А вообще, нам предложили неполную неделю. То есть кто хочет, может приходить на работу три дня, а в оставшиеся два подрабатывать где-то еще. Я уверен, это ненадолго. Просто такой период. Скоро все нормализуется. Ты только не волнуйся, я обязательно что-нибудь придумаю...

Сережка вымученно улыбнулся. Он изо всех сил старался бодриться, но получалось неважно. Будто почувствовав неладное, в животе глухо заворочался сын. Если бы не бере-

менность, я бы устроилась на какую-нибудь подработку – в школьную продленку, кружководом в детский развивающий центр, на худой конец уборщицей... А кому я нужна с семимесячным пузом, одышкой и отекающими ногами? Даже нагнуться толком не могу – ставлю ногу на галошницу, чтобы застегнуть сапоги. Никогда в жизни я не чувствовала себя такой слабой и беспомощной, от этого тягостного ощущения было трудно дышать, хотелось ругаться и плакать. Впервые я подумала, что мама была права: не следовало заводить ребенка в смутные времена. Надо было подождать...

– Нам следовало повременить с ребенком, – озвучила я свои мысли.

Сын яростно заворчался, словно в самом деле мог что-то слышать и понимать, крохотный нерожденный кусок плоти. Плод любви и неосторожности.

Сережка посмотрел на меня так, словно я ударила его ниже пояса.

– Не смей так говорить, слышишь? Я найду выход, я заработаю деньги, обещаю. Ты мне веришь?

Я кивнула.

Сережка прижался лицом к моему животу, и ребенок умиротворенно притих. Я перебирала жесткие волосы мужа, и мое сердце заходило от жалости к нему, себе, нашему будущему ребенку, вынужденному появиться на свет в смутное и опасное время. Бедный, бедный мой Сережка, ему-то тяжелее всех. Что может быть страшнее и унижительнее для молодого, умного, успешного мужчины, чем осознание собственного бессилия перед фатальной несправедливостью судьбы, осознание невозможности обеспечить достойное существование своей семье? Неожиданно это понимание прибавило мне недостающих сил. Мы молоды, здоровы, любим друг друга, и это главное. Вместе одолеем проклятые обстоятельства. За черной полосой непременно последует белая. Главное – не сломаться, не опустить руки. Всего каких-то два месяца, и я перестану быть беременной, найду работу... Мы обязательно что-нибудь придумаем, выкарабкаемся, мы еще покажем всему этому долбаному миру... У нас все будет хорошо...

«Все будет хорошо...» Я повторяла эти слова, как мантру, черпая в них спокойствие и уверенность. Настанет завтрашний день, тучи рассеются, выглянет солнце. Самое яркое солнце на свете...

Завтрашний день выдался пасмурным и угрюмым

Хозяин квартиры поднял арендную плату.

– Все дорожает, – объяснил он, озвучив сумму, превышающую наши возможности.

Найти новую квартиру по приемлемой цене за две оставшиеся недели мы не смогли.

– В тесноте – не в обиде, – сказал Георгий. – Да и не дело это – по чужим углам шариться, когда своя квартира имеется. Родится ребенок, будет кому за ним приглядеть, пока Санька в институте.

– Мы поищем другую съемную квартиру, – обнадежил Сережка.

Но я не разделяла его оптимизма.

– Родится ребенок, траты возрастут... – Я покачала головой. – Дед прав: в тесноте, не в обиде, да и с ребенком проще будет в институт выбраться... А потом что-нибудь придумаем. Может, вправду уедем из России, к чертовой матери. Свалила же Зайка. Вначале было трудно, а сейчас привыкла. Замуж собирается.

– Я боялся, что ты будешь меня упрекать, – срывающимся голосом признался он.

– Тебя? За что? Ты ни в чем не виноват.

– Я же мужчина, – заламывая руки, муж отчаянно метался вдоль стен, – я должен обеспечивать семью...

– Ты и обеспечивал. Никто не ждал такой подлянки. Успокойся. Мы же не одни в таком положении.

Я упаковала вещи в узлы и коробки, в последний раз протерла пол в бывшей нашей квартире, свидетельнице первых мгновений нашей любви, и прикусила губу, чтобы не разреветься: было жаль уезжать с островка беспечного счастья.

– Выше нос, – сказал Вадик, вызвавшийся помочь нам с переездом. – Все будет о'кей. Сейчас поймаем машину.

– У нас денег мало, не повезут, – мрачно напомнила я.

– Доверься мне, – заявил Вадик.

Он напялил вытертое кожаное пальто рыжего цвета, нахлобучил огромную ушанку и отправился ловить машину. Делал это Вадик особым фирменным способом: кидался под колеса подходящего по грузоподъемности средства передвижения, в ответ на водительский мат невозмутимо предлагал помочь хорошим людям в переезде и начинал торг. Как ни странно, наглая тактика увенчалась успехом, Вадик довольно быстро сумел уломать водителя «скорой», ехавшего со смены в больничный парк.

– Заодно, если вдруг надумаешь сейчас родить, сразу в больницу доставим, – сообщил он.

– Иди в баню, – отозвалась я. – Мне через два месяца.

– Ну и зря, – в своем стиле юморил Вадик. – Сэкономила б на машине.

Всю дорогу он болтал без умолку, травил смешные анекдоты и байки из жизни своей новой подружки, работника медвытрезвителя, и в итоге превратил переезд из малоприятного события в комедийное шоу. Даже водитель ржал до слез, так, что едва не въехал в автобус, и на прощание взял с нас меньше заявленного, сказал, что на его работе редко удается посмеяться от души. Напоследок за честно заработанным ужином Вадик сообщил:

– Кстати, мой дружбан, который ночным сторожем в магазине подрабатывал, увольняется. Кооператив какой-то открывает. И второй сторож тоже уходит. Место свободно. Можем дежурить по очереди. Зарплата, правда, небольшая, на квартиру не хватит, но и не перетрудишься. Запрещь дверь – и спи на кушетке или дисер пописывай. В былые времена можно было дефицит прикупить, сейчас это неактуально. Зато работникам директор разрешает ото-

вариться по оптовой цене. Немного, разумеется, но кило колбасы или сосисок сделает. Ну и на бутерброд за ужином отрежешь – никто выверять не станет.

– Отлично, я согласен, – поспешно выпалил Сережка.

– А не опасно? – усомнилась я.

– Ха! Было б опасно, я бы сам туда не пошел. Если шпана какая ломиться начнет, сразу ментам звони. Они там свои, прикормленные, тотчас прибегут. Отделение в двух шагах.

– Я согласен, – повторил Сережка. – Хоть завтра.

По его глазам я поняла, что сейчас он согласится на любую, самую грязную и опасную работу, и возражать бесполезно.

Все вернулось на круги своя. Спираль истории, сделав издевательский виток, отбросила нас на прежнее место. С тщеславными устремлениями, рухнувшими планами, несбывшимися надеждами, осмеянными мечтами. Обледеневший двор, замызганный подъезд, пахнущий сыростью полуподвал, десятиметровка, совмещенный санузел, вход в который по утрам расписан по графику – десять минут на каждого. Любопытствующее шамканье старух-соседок: «Что, Сашенька, вернулись? Надолго?» Я стискивала зубы, чтобы не послать кумушек ко всем чертям.

И настали смутные времена...

К концу года президент Горбачев, осознав провал денежной реформы, распорядился разморозить банковские вклады и ушел в отставку. На обретенные пятнадцать тысяч рублей мы купили коляску, кровать, мне – теплые сапоги для зимних прогулок с ребенком, новый телевизор «Самсунг» взамен отдавшего концы пожилого «Рубина», игрушки, детские одежды, консервы и обалденный ярко-розовый зонт, перед которым я не смогла устоять.

Советский Союз распался на осколки республик-государств, одним из которых стала Российская Федерация. Бабушки во дворе судачили о нововведении президента Ельцина: приватизации. Далеким и загадочным новым миллиардерам (по слухам, домочадцам и приближенным к президентской семье) в собственность достались недра, электроэнергия, казна, недвижимость и все, что удержалось на плаву и приносило прибыль. Не были забыты и простые смертные, получившие счастливую возможность узаконить права на квартиры и шестисотковые наделы, которые стало возможно продавать, покупать, завещать и сдавать в аренду. Вскоре в соседнем подъезде вместо запойной бабы Клавды поселился горячий кавказский джигит, а к нему приехала многочисленная родня. О дальнейшей судьбе бабы Клавды ходили разные слухи: одни утверждали, что пьянчужке вместо московской квартиры приобрели домик в деревне, где на выплаченную разницу в стоимости она будет счастливо дышать свежим воздухом и пить водку до конца дней. Другие уверяли, что конец дней уже наступил. Но проверить не удосужились, поскольку судьба одинокой пропойцы особенно никого не волновала. В отличие от ставшей нормой задержки зарплат и пенсий. Причина звучала просто как апельсин: нехватка наличности. Никто уже не вспомнит, кто первым придумал гениальную идею расчета с работниками производимой ими же продукцией: запчастями к «КамАЗам», унитазами, галошами, пряниками, утюгами, нитками, кирпичами, мылом, презервативами... При желании всем этим можно было обменяться на рынках.

Развалившиеся предприятия выплюнули армию безработных. Многие из них, молодые и крепкие, были готовы добывать деньги любым способом. Бандитские разборки со страниц детективов выплеснулись на перепуганные улицы. Вчерашние работники милиции, обиженные мизерным заработком, охотно организовывали криминальные «крыши», обкладывая данью бизнес. Финансирование бюджетной сферы: науки, образования, здравоохранения, пенсионного фонда свелось к минимуму. Все, кто работал в «бюджете», из крепких середнячков скатились за черту бедности.

Вы когда-нибудь просыпались за чертой?

Когда падаешь слишком стремительно, поначалу кажется, что это происходит не с тобой. Такое со мной просто не могло произойти. Ведь для меня ничего не изменилось, я осталась прежней: не тунеядка, не калека, не маргинал, работаю как раньше, даже больше, намного больше, на пределе сил, и все равно скатываюсь вниз... И кажется, что это не правду, понарошку... Это всего лишь сон, очередной кошмар, самый жуткий из всех, которые были со мной в жизни, сейчас он закончится, и все вернется на круги своя. Я снова стану успешной, перестану экономить на еде, куплю торт к чаю, выброшу рваные ботинки и приобрету новые, модные, а заодно туфли, платье и косметику. А в выходной, как прежде, поеду в «Столешники» поужинать при свечах вкуснейшим мясом в горшочках с бутылкой отличного бордо...

Но этого не происходит. Постепенно на смену удивлению и возмущению приходит апатия. Перестаешь дергаться, принимаешь свое новое положение, смиряешься с безысходностью, как лягушка из старой притчи, которая устала двигать лапками и утонула... А вот этого делать нельзя. Главное – не сдаваться. Ни за что нельзя поддаваться усталости, ибо тогда – дно. Надо встряхнуться, собрать все силы, найти точку опоры. Появится злой азарт – я выстою, я сумею, я не просто удержусь, я выйду победителем! Мозг начинает работать четче, скорее, парадоксальнее. Он подбрасывает новые, на первый взгляд сумасшедшие решения. Какие-то из них оказываются ложными и неприемлемыми, но одно из сотни – мое. И это – выход из лабиринта, это – победа.

Только путь длинен и извилист и может занять годы.

Моя семья старалась изо всех сил, но угнаться за спринтерским темпом инфляции с каждым днем было сложнее. Мы узнали все хитрости и уловки бедности. Научились ездить «зайцем» в транспорте. Перешивать изношенную одежду так, чтобы выглядела более-менее современно. Закупать продукты на оптовом рынке перед закрытием в воскресенье, когда остатки продают в розницу и дешевле, а подгнившие и подмороженные овощи и фрукты вообще отдают даром. Полировать обувь касторовым маслом, чтобы выглядела новее и служила дольше.

Жили «одним котлом», не разделяя заработки на ваши и наши – все валилось в одну кучу скромного семейного бюджета, не считая мелочи на карманные расходы. Вместе выживать легче и веселее. Вот когда пригодились бабушкины запасы! Мама занялась репетиторством, но в новые зыбкие времена мало кому требовались уроки математики. Образование утратило престиж. Вчерашние двоечники побросали школу и кинулись зарабатывать деньги, а те, кто стремился учиться, старался обойтись без репетитора, поскольку в их семьях тоже возникли финансовые затруднения. Папино предприятие закрылось, выданные на руки жалкие гроши язык не поворачивался назвать выходным пособием. Папа зарегистрировался на бирже труда, но желающих получить работу оказалось намного больше, чем предложенных вакансий.

– При социализме никто и не задумывался, насколько приятно работать, – горько иронизировал папа.

Поняв, что с биржей толку не будет, отец принялся искать работу самостоятельно, обзванивая родных и знакомых, обходя все мыслимые и немыслимые места возможного трудоустройства. Неожиданно богатырское сложение и суровая внешность оказались более востребованы, чем диплом о высшем образовании и опыт инженерного дела, – папе предложили место охранника на рыночном складе, сутки через трое.

– Жаль, что нет лицензии на оружие, – сокрушался небритый хозяин в спортивном костюме, с золотой цепью в два пальца толщиной поверх несвежей футболки «адидаас». – Ну, ничего, я дам тебе газовую пушку. Если что, скажешь, нашел. Понял? Хорошие деньги плачу, соглашайся. Вчера тоже один инженер приходил, кандидат наук. На все был готов, но я не взял – уж больно хлюпик.

Папа подумал и согласился.

– Зачем? – сокрушалась мама. – Не такие большие деньги. А если на склад нападут? Если тебя покалечат или, не дай бог, убьют? Время сейчас страшное, я никогда не думала, что в людях может быть столько жестокости... Вон вчера на соседа напали среди бела дня. Пригрозили ножом, сняли куртку, часы, деньги, сколько было, забрали. И никто не вступился.

– Если я просижу еще неделю без дела, сам озверею, – хмуро сказал папа. – Буду параллельно искать что-то получше. Смотри, молодые парни на любую работу готовы, а мне уже пятьдесят... Скажут – старый, что тогда? Ложись и с голоду помирай?

Мама не нашла контраргументов и, вздохнув, умолкла.

Иногда по выходным Сережка встречал поезд, проводник передавал «гуманитарную помощь» – фрукты, овощи из родительского сада, соленья домашнего приготовления, молодое вино в пластиковых бутылках из-под пепси-колы.

Сережка работал в институте, а ночь через ночь заступал на сторожевую вахту в небольшой продовольственный магазин-«стекляшку» неподалеку от метро «Электрозаводская». Вадик хохмил, что, как только они защитятся, станут требовать прибавки за степень. «Сторож – кандидат наук – звучит гордо», – провозглашал он, извлекая из бездонных карманов своего невероятного пальто то пару сосисок, то шмат колбасы, то кильку в томате, и важно поучал Сережку:

– Учись, аспирант.

– Это же воровство! – возмущался Сергей, воспитанный в лучших традициях законопослушания.

– Ха! Воровство – это то, что творит наше любимое государство, – парировал анархист Вадик. – Обчистило до нитки, и жаловаться некому. Полный беспредел. Парадокс: если я украду у кого-нибудь сто рублей, это назовут воровством. А если обворовать всю страну, это называется реформированием.

– Вот тебя как раз и посадят за две сосиски, – хмыкнул Сережка. – Если, конечно, ты не сумеешь доказать, что реформируешь таким образом несовершенную торговую систему.

– Хо-хо-хо! – заржал Вадик. – За две сосиски просто могут дать по морде. Да и то не факт. Ты ж не станешь ими демонстративно размахивать перед носом хозяина? Так что расслабься, никто твои карманы обыскивать не будет. Что упало, то пропало. Помнишь главный постреволюционный лозунг? «Грабь награбленное».

– А если они товар пересчитают? – сомневался Сережка.

– Да прям! Они кошкам больше скармливают. Видел, какой там кошан жирный? Скоро морда треснет. У них процент потерь в прибыль заложен. Мне кореш говорил.

– В самом деле, – поддержала я Вадика, – от килек в томате магазин не разорится. А нам добавка к ужину.

– Я ни разу в своей жизни не взял чужого, – задумчиво наморщив лоб, поведал Сережка.

– Все когда-нибудь происходит впервые, – утешил Вадик. – Будь проще, и люди к тебе потянутся. Сань, угости кофейком рабочего человека!

– А ты не прихватил кофеек из магазина? – съехидничала я. – Пошуруй в кармане, может, там еще что-нибудь затерялось?

Вадик послушно покопался и извлек сигарету, початую жвачку, пачку презервативов и маленькую шоколадку «Аленка». Сигареты, жвачку и презервативы запрятал обратно, а шоколадку торжественно выложил на стол.

– Да у тебя не карманы, а закрома родины, – восхитился Сережка. – Кенгуру отдыхают.

– Это меняет дело, – одобрила я, доставая жестяную банку кофейного напитка отечественного производства. – Господа сторожа, пожалуйста к столу.

Накануне Нового года на пороге появилась Крис. В новеньком полушубке из золотистой норки, удивительно идущей к рыжим кудрям, румяная от мороза, вся обвешанная красивыми пакетами, как Дед Мороз или, что вернее, Снегурочка. Из пакетов извлекла музыкальную пустышку, вышитые распашонки невероятной красоты, уморительные пинетки, большого розового слона, коробку французских трюфелей. Прислонила ухо к животу, послушала, как толкается сын, радостно рассмеялась.

– Футболистом будет, стопудово!

Мы прошли на кухню. Я заварила чай. Выложила шоколадку «Аленка» – магазинный трофей супруга. Открыла трюфели.

– Ну, как ты? Рассказывай.

Мы долго не виделись. Вначале Крис сердилась на то, что я продолжаю принимать дома Вадика. Тщетно я пыталась объяснить, что, несмотря на их разрыв, он не перестал быть другом моего мужа. Но время прошло, страсти улеглись, и передо мной сидела прежняя, вполне довольная Крис.

– У меня все о'кей. Нет, пока нигде не учусь и не работаю. Наслаждаюсь жизнью. Эх, жаль, у тебя больше не покуришь, – подмигнула Крис. – Беременным и кормящим вреден табачный дым. Впрочем, я ненадолго. Попрощаться. Уезжаю в Париж на неопределенный срок. Папан расщедрился, снял для меня квартиру. Мила закатила ему пару истерик на тему «дочь совсем отбилась от рук». – Подруга рассмеялась, но не очень весело.

– Здорово, – улыбнулась я, – чем там думаешь заняться?

– Не знаю, – подергала плечами Крис, – поработаю где-нибудь. Вдруг получится? Должно же у меня хоть что-нибудь получиться...

– Брось хандрить, – сказала я, – все у тебя получится. Ты классная, умная, красивая девчонка, и сама об этом знаешь.

– Насчет первого согласна, а насчет второго... – Она задорно рассмеялась, тряхнув кудряшками, и я, наконец, увидела прежнюю жизнерадостную Крис. – Но спасибо за комплимент.

Рассеянным взглядом она обвела крохотную кухню, дешевый отечественный гарнитур из страшноватого ДСП, обтянутого пленкой под дерево. Потолок в желтоватых потеках – подарок соседки сверху, заливавшей нас с завидной регулярностью. Под потолком бельевые веревки, на которых сушились папины «семейники». Прогоревшую плиту с кособокими комфорками. Заклеенное скотчем окно, за которым завывал мусорный ветер и всюю тарактели, прогреваясь, машины – краса и гордость отечественного автопрома.

– Значит, теперь здесь? Надолго?

– На неопределенный срок. – Я печально усмехнулась. – Видишь, мечты о небоскребе не осуществились.

– А уехать не хотите? Сейчас многие уезжают.

– Все может быть. Если поступит хорошее предложение. Пока его нет.

– Помнится, Вадик мечтал свалить в Штаты, – язвительно промолвила Крис, и ее личико исказила презрительно-яростная усмешка. – И где он теперь?

– Пока на месте.

– Неужели? – Крис саркастически повела выщипанными бровками, покривила тонкие губы. И я поняла, что рана свежа, хоть и заросла сверху тоненькой розовой кожицей. Неосторожное прикосновение все еще причиняет саднящую боль. Отчего-то я почувствовала неловкость, будто, сама того не желая, разбередила болячку.

– Слушай. – Крис помялась, поводила пальчиком по столу, устремила на меня пытливый серый взгляд из-под мохнатых коричневых ресниц. – Если честно, сейчас ты не жалеешь, что не осталась с Артемом?

С Артемом?

Моя угорелая безбашенная юность вмиг пронеслась перед глазами. Промчалась, как в ускоренной перемотке старого забытого неинтересного фильма, из которого я выросла, как из старой юбчонки. Мне было сложно объяснить Крис или кому бы то ни было, что ночью, когда закрывалась дверь в нашу десятиметровку и мы оказывались вдвоем на тесной кровати, и Сережка обжигал поцелуями мои губы, живот, грудь, плечи, спину, колени... не было в целом мире женщины богаче меня... Никогда не любила говорить на подобные темы. Мне казалось, что слова, произнесенные вслух, теряли свою мелодичную гармонию и начинали звучать напыщенно и фальшиво, как в дешевом сериале.

Я положила руку на пытливо притихший в ожидании ответа живот, с улыбкой покачала головой и честно призналась:

– Ни о чем не жалею. Нисколько.

Не знаю, что отразилось в тот миг на моем лице, но серые глаза Крис на мгновение заволокло туманом, губы дрогнули, а потом она улыбнулась, задорно встряхнув рыжей гривой. Резко поднялась.

– Ну ладно. Мне пора. Привет Сереге.

Прощание

Дед Георгий заболел. Он лежал на диване, мутным взглядом смотрел мимо телевизора, жаловался на резь в животе. Георгий и прежде страдал болями в желудке, но списывал все на застарелую язву, а сейчас после перенесенных стрессов она разыгралась с невиданной силой. Пришедший врач пощупал живот, озабоченно покрутил головой, уточнил, сколько Георгию лет, и позвонил в скорую.

В больнице взяли анализы и вскоре сообщили страшный диагноз: рак желудка в последней стадии, неоперабельный.

– Вообще-то мы таких больных выписываем, – конфиденциально поведал заведованием.

– Сколько ему осталось? – до крови кусая губы, спросила мама.

– Месяца два, не больше.

Мама побелела, как врачебный халат, и заплакала.

– Он жалуется на сильные боли, – проговорила я. – Что-нибудь можно сделать?

– Уколы морфина. Но дело в том, что это дорогой препарат строжайшей отчетности, выписывается буквально в самые последние дни... Мы не сможем колоть его два месяца.

– Насколько дорогой? – уточнила я.

Доктор написал на листке несколько цифр.

– Это за упаковку. Если ваш дедушка протянет месяца два...

– Мы заплатим, – сквозь рыдания прошептала мама.

Когда-то, чтобы выжить, Лидия потихоньку сдавала в скупку сбереженные фамильные драгоценности. Мы с мамой отнесли в комиссионку перстень и пару серег, чтобы купить безболезненную кончину.

Деда поместили в двухместную палату. Вторая койка пустовала.

– Палата смертников, – полушутя-полусерьезно сказал дед.

Он очень ослабел и исхудал. Щеки ввалились, пожелтевшая кожа обтянула заострившиеся скулы. Мое сердце разрывалось от жалости, но я не должна была показывать эту боль, чтобы он не догадался о скором конце. Собрав силы в комок, я улыбнулась.

– Дед, ты чего говоришь? Вот поправишься, выйдешь, будешь правнука в коляске катать... Ты же обещал.

– Прости. – Он грустно улыбнулся. – Боюсь, я не сдержу обещание. А ты береги себя и маленького.

Я взяла деда за руку и ужаснулась ее холодности, но пожатие было все еще крепким.

– Не говори так, – попросила я. – Как же я без тебя? Как мы все без тебя?

– Держись, – сказал дед. – Держись, последняя из рода Соколовых. Ты справишься. У тебя мамины глаза и ее сила. Береги себя и маленького. А теперь ступай. Я устал, хочу спать.

Георгий не протянул и месяца. Незадолго до конца он попросил, чтобы его отпели в церкви.

Мама немного удивилась, потому что Георгий всегда считал себя атеистом. От сладкого запаха ладана кружилась голова, свечное пламя расплывалось перед глазами. Но слез не было. Была пустота. Какая-то старушка в темном платочке подошла ко мне и, углядев мой живот, тихо промолвила:

– Господь одну жизнь забирает, другую дает взамен. Так положено, деточка.

СЫН

Наш сын родился суровым февральским утром, когда за невымытым окном родильного дома начинал брезжить пасмурный зимний рассвет. Все осталось позади: изматывающая выворачивающая боль, с которой не справлялись бесплатные инъекции, искусанные в лохмотья губы, холодная каталка, пропахшее дезинфекцией одеяло, бесконечный пересчет трещин на потолке, равнодушные медсестер и участие старенькой нянечки: «Какая худенькая! Недоедаешь, что ль?» – и стакан с теплой водой в морщинистых руках, и суровая деловитая женщина-врач Ольга Алексеевна, терпеливо повторявшая:

– Давай еще тужься... Сейчас не надо. А теперь давай. Еще. Ты можешь, давай...

Крик... Тонкий, ленивый, разбуженный... Неужели это кричит мой ребенок?

– Молодец, Саня, у тебя сын, – довольна констатировала Ольга Алексеевна. – Богатырь.

Гляди!

Она поднесла к моему лицу красное сморщенное большеголовое создание с кривыми ножками, дрожащими веточками-ручками, круглыми мутно-голубыми глазенками. И тут я поймала его взгляд... До той секунды туманный, он вдруг сделался ясным, осмысленным – невероятно, но я могла поклясться – существо, которое всего минуту назад увидело свет и вдохнуло воздух, перестало кричать, сфокусировалось на мне, принялось меня разглядывать с любопытством разумного создания, а потом улыбнулось прозрачно-голубыми глазами, словно благодарило за то, что я подарила ему этот несовершенный, безумный, прекрасный мир.

Палата на восьмерых. Гвоздички на тумбочках около кроватей. Раковина в углу. Удобства на этаже в конце длинного коридора-кишки. Из треснутого оконного стекла в туалете сифонило февральской стужей. Бесплатный таксофон на стене возле лестницы – единственная связь с миром в домобильную эпоху.

Когда пришла в себя, огляделась. Шесть пар женских глаз взирали на меня с вялым любопытством.

– Меня Маша звать. А тебя? – спросила круглолицая веснушчатая девушка с кровати возле окна.

– Саня... – прошептала я.

– А че так тихо?

Я постучала себя по горлу, давая понять, что голос куда-то подевался.

– Бывает, – откликнулась моя соседка, яркая брюнетка лет тридцати пяти в шелковом малиновом халате с экзотическими цветами на рукавах. – Это от напряжения. Я, когда первого рожала, тоже двое суток без голоса была. Потом восстановится. Я – Жанна. У тебя кто?

– Мальчик.

– А у меня девочка. У всех в нашей палате девчонки. Только у тебя парень.

Она пошарила на тумбочке и надела очки, чтобы рассмотреть меня повнимательнее:

– Лет-то тебе сколько, Саня?

– Двадцать.

– Ну? – изумленно вскинула брови. – Я думала, ты еще школьница. А не врешь?

Уже потом, посмотревшись в зеркало, я поняла причину Жаннинного удивления. На меня смотрела синеватая девчушка-заморыш с глазами-блюдцами на пол-лица. Я всегда была тощей, но после родов побила собственные рекорды: сорок пять кило при росте сто шестьдесят пять. Дородная докторша, загнавшая меня на весы, спросила сочувственно:

– Недоедаешь, что ль?

– Просто у меня конституция такая, – пояснила я.

– «Конституция»... – передразнила докторша. – А ребенка кормить как будешь? Уйдет молоко! Домой позвони, скажи, чтобы еды тебе принесли нормальной, мяса побольше, фруктов, минералки. Мы всех предупреждаем. Кормят нынче паршиво, не как в прежние времена. Финансирования нет, вот и варят бурду на воде. От такой кормежки ноги протянешь.

– Ладно, – согласилась я, мысленно отправляя сердобольную докторшу на три буквы. На какие шиши мне купят фрукты в феврале? Как-нибудь перебьюсь.

Превозмогая ватную слабость, добрела до телефона, прислонилась к стене, крашенной в зловещий сине-зеленый цвет, набрала номер. Трубку взял Сережка.

– Санька! – Его голос звенел восторгом. – Ты у меня умница, любимая моя! Я уже знаю, в справочную звонил. Вечером приеду. Что тебе привезти? Что ты хочешь?

Я замялась, вспомнив наказ полной докторши о фруктах и минералке. На самом деле есть не хотелось. Хотелось лечь, накрыться одеялом до макушки, чтобы не видеть и не слышать ни врачей, ни соседок по палате, а спать, спать... Чтобы проснуться уже дома, в своей квартирке с собственным теплым туалетом и пусть обшарпанной, но бесконечно родной ванной, на кровати, хоть скрипучей, но не казенной, под любимым пуховым одеялом, согревающим в любую непогоду...

– Не волнуйся, здесь нормально кормят, – сказала я.

– Как сын?

– Пока не приносили. Думаю, все хорошо. Иначе бы сказали. – Я зябко переминалась с ноги на ногу. По лестнице гулял ветер. – Пойду, а то здесь холодно стоять.

– Конечно, – озаботился Сережка. – Не простудись. Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю... Я хочу домой.

– Скоро, – утешил Сережка. – Скоро ты будешь дома. Мы все приедем за вами.

В обед я поняла, что докторша несколько не преувеличивала. Жидкий бульон из куриных костей с ошметками склизкой кожи. На второе тушеная капуста, в которой с трудом отыскивались говяжьи жилы. Компот подавленного цвета и непонятного состава.

– Я здесь старшего сына семь лет назад рожала, – сказала Жанна, подсаживаясь за мой столик. – Так раньше щи мясные варили, прямо-таки домашние. На второе котлеты делали – объедение. Помню, девчонка детдомовская родила. Такая была тощая, ребра выпирали. Так она специально температуру себе набивала, чтобы подольше здесь побыть, наестся вдоволь. А сейчас... – Она брезгливо поморщилась. – А что делать? Кушать-то надо. Вечером мужики придут, нормальной еды притащат. Ты ведь замужем? – озаботилась вдруг.

Я кивнула.

– А то я болтаю, а вдруг тебе неприятно... – улыбнулась соседка. – У меня дочка вторая, а муж третий, дай бог, не последний... – И рассмеялась журчащим кокетливым смехом.

– Эй, девки, че расселись, детей несут! – крикнула из дверей нянечка.

И, словно по команде, коридор огласился дружным ревом.

Юная сестричка, совсем девочка, везла длинную каталку, на которой в ряд лежали кулечки с высунутыми сморщенными, возмущенно кривящимися мордашками. Остановившись возле палаты, девочка-сестричка с необычайной ловкостью подхватывала по два кулька на каждую руку и разносила по кроватям.

– Ой, как она их! – испугалась я. – Не уронила бы...

– Где бродите, мамыши? – неожиданным баском выдала сестричка. – Кормить пора! Через полчаса заберу!

Мой сын был уже не красного, а нормального естественного цвета. Он мирно посапывал, сомкнув ресницы, удивительно длинные и изогнутые, как у Сережки, вскинув кулачки, перехваченные на запястьях клеенчатыми бирочками, на которых значились фамилия, рост и вес. Я разглядывала маленькое существо с одной и другой стороны и чувствовала скорее любопытство и робость, нежели безоглядную материнскую любовь. Если бы он открыл свои

голубые глазки и снова посмотрел сияющим осмысленным взглядом, быть может, я снова ощутила бы знакомый внутренний трепет. Но ребенок крепко спал и не желал пробуждаться, даже чтобы поесть. Я потрогала занывшую от прихлынувшего молока тяжелую грудь. Со всех кроватей доносилось чмокание и умиротворенное гульканье мамаш.

– Буди, – перехватив мой взгляд, сказала Жанна. – Пусть ест. А то потом молоко сцеживать придется, замучаешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.